

ВГУСТ остано-
вился в глуби-
не сцены и за-
пел год унов-
ское: «Скорбит
душа... Какой-то страх не-
вольный предчувствием
теснит мне сердце». Дове-
дя оперную фразу до кон-
ца, он спросил: «А поче-
му шторы закрыты?»

Пришлось поднять за-
навес. «О, праведник! О,
мой отец державный», —
продолжил артист. «А
света не будет?» — он силь-
но откинул голову назад.

Дали свет. Самый яр-
кий. «Я царь еще!» —
предупредил артист. Уве-
ренно и сурово допел он
сцену с Шуйским, где
«преславный вития, пре-
ступный голова бояр кра-
мольных, царского пре-
стола супостат» (так пря-
мо он и пел) дает ответ
царю Борису; раскланял-
ся в пустой, гулкий от
редких аплодисментов зал
и, мелко рассмеявшись,
убежал за кулисы. Здесь,
за кулисами, на крышке
пианино, он просидел вче-
ра терпеливо два кон-
цертных часа, а когда все
кончилось, очень жалобно
спросил: «А как же я,
мама? Разве я не буду
выступать?» Выступать не
пришлось. И тогда (на
языке родительской пе-
дагогике эта ситуация оп-
ределяется как «концерт
без заявок») — слезы. Ро-
дители успокоили сына и
увели домой. Но требова-
ния признали справедли-
выми. Поэтому на другой
день и был устроен этот
оперный прогон перед на-
стоящим концертом...

Августу Амонову — три
года. И поет он на трех
языках. На итальянском
— «Риголетто»; на рус-
ском — «Бориса Годуно-
ва», «Дон Жуана», «Евге-
ния Онегина»; на казах-
ском — «Дударай», при-
чем в случае необходимо-
сти может не только ис-
полнять ведущие партии,
но и подавать реплики.
Про «Дударай» он говорит:
«Этого папа еще не зна-
ет». Действительно, так
было. Когда солист
оперного театра имени
Абая Артур Васильевич
научился только бегло
читать текст — сын знал
уже его наизусть. Что и
говорить — преимущества
молодости.

— Спой что-нибудь дет-
ское, простенькое. А то
все смерти, кровь... Дет-
скую песенку спой, — уго-
варивает Гуслик тетя. И
получает решительный
отказ.

— Вы что, моего репер-
туара не знаете? — смеет-
ся Амонов, — я же не ис-
полняю со сцены «В лесу
родилась елочка».

Слух у Гуслика развит
исключительно. Некото-
рое время назад переда-
вали что-то по радио. Не-
сколько аккордов и сын,
до того сосредоточенно
седлавший надувной круг,
сказал: «Сороковая сим-
фония Моцарта, да, ма-
ма?» «Нет, кажется...» А
потом вдруг выплывает
знакомая и маме тема —
действительно, — ведь —
сороковая. Мама — кон-
цертмейстер в респуб-
ликанской консерватории.

Что еще умеет Гуслик?
Заразительно смеяться.
Тогда он делается похо-
жим на лопушастого Май-
ти-мауса. Шумно носить-
ся по квартире (и тогда
соседи жалуются, что у
них в серванте сервиз

дорогой сотрясается от
этой беготни). Будто при-
липнув, просидеть на сту-
ле всю репетицию или
концерт. Задавать вопро-
сы. Массу. И непредви-
денных. «Это полпятиде-
сят метров, да?» — интере-
суется он. Читать стихи.
С диапазоном от патетиче-
ского «да, были люди в
наше время» до «сороки-
белобоки», которая в но-
воселье подавала к столу
«вяленую мушку» и про-
чие сорочки деликатесы.
Плакать, слушая «Аве
Мария». Узнавать по кла-
виру (угадывать? — ни
буквам, ни нотам его еще
не учили), что нотные за-
корючки в такой комби-
нации складываются
именно в «Помилуй душу
преступного царя Бори-

это лет через десять толь-
ко сможем выучить».

Сначала может пока-
заться, что было так: у
Гуслика, кроме мамы и
папы, никого нет. Папа,
когда не спит, почти всег-
да поет свои арии. Мама,
если не играет на пиани-
но сама — крутит пласт-
тинки или напевает ти-
хонько. Маленький Гус-
лик любил игрушки и
сладости, но не меньше —
смотреть, как работают
родители. Даже, пожалуй,
больше. Потому что иг-
рушки с ним были целый
день (родители начали
оставлять его одного в
квартире еще с двухме-
сячного возраста), а музы-
ка приходила в дом толь-
ко вместе со взрослыми.
И Гуслик ценил это. Он

Человек, который впервые
спел партию царя Бориса

ГУСЛИК АМОНОВ, ШУЙСКИЙ И ДРУГИЕ

са», а в иной — в «бала
кельде Мария...»

Различать пластинки с
операми (зрительная па-
мять?) с одного цвета бу-
мажными кружочками...
Раньше, когда мама Ната-
ша занималась уборкой,
она усаживала сына на
столик рядом с проигры-
вателем и ставила «Аи-
ду», например, — чтобы
не скучал. Это значило,
что пока не кончится
запись — Гуслик не ше-
лохнется, будет слушать.

Еще он приучен обли-
ваться из-под крана во-
дой, загорать под майским
солнцем («только перево-
рачивать его надо время
от времени, как шаш-
лык»), много, по двенад-
цать километров в день
ходить.

Он самостоятелен во
всем. Сам научился иг-
рать, подбирать какие-то
мелодии, а отыскав краси-
вые сочетания, чистый ак-
корд, выуживает его из
пианино снова и снова,
радуясь ему: мама, ты
только послушай, как по-
лучается... Сам одевается,
ест, отлично играет с деть-
ми, игрушками, любит
книжки, мороженое и зи-
му...

Поет он с видимым удо-
вольствием. Существует
мнение, что исполнить
оперу, как ее написал, за-
думал композитор, то
есть соблюдая все отме-
ченные автором паузы,
акценты, вступления, —
уже достойно похвал.
Правда, если исходить из
этого, получится, что Ша-
ляпин, к примеру, или
Пирогов пели «неправиль-
но», очень по-своему. Во
всяком случае, зная все
вступления и прочие тон-
кости оперного исполне-
ния очень нужно дириже-
ру. Гуслик знает, и в этом
смысле его исполнение
опер безукоризненно. Ко-
гда его услышали студенты
консерватории, кое-кто
схватился за голову: «мы

сидел и просто смотрел. И
еще иногда спрашивал.
Папа пел-пел, а потом
уходил в театр, мама по-
играет и тоже идет на ра-
боту.

Это было бы и верно,
но все же и очень не-
правда. Гусликовы роди-
тели — не фанатики, а
люди с массой других ув-
лечений, и опера как та-
ковая живет у них только
когда живет.

На чем стоит родитель-
ская педагогика? Во-пер-
вых, самостоятельность.
Случилось даже так, что
сын научился ходить безо
всякой помощи и даже в
отсутствие родителей. Во-
вторых, никакого сю-сю-
сю. Разговор — как со
взрослым. Постоянный
«контроль за исполнени-
ем». Ни нытье, ни капри-
зы не признаются. В
третьих, не дергать по
мелочам. Крышку от ка-
стрюли утащил — можно,
бегай. Книгу порвал —
ответишь. Любовь к му-
зыкальной классике во-
обще воспитывается без
принуждения, от против-
ного. «Не будешь маму
слушать, помогать ей —
не разрешу сегодня зани-
маться музыкой...» Чем не
теории Спока?

...Встречи наши. конча-
лись чаепитием с фрук-
товыми вафлями, Гуслик
потихоньку отламывал
исквадраченные пластин-
ки и двигал мне — ку-
шайте, пожалуйста...

Когда я уходила, а из-
за двери несся все тот же
смех и даже взвизгиванья,
я подумала о том, что
можно ведь иногда и по-
терпеть, когда в серванте
сотрясается дорогой сер-
виз... Тем более, что все
равно Гуслик станет му-
зыкантом, оперным пев-
цом, большим дириже-
ром, или чемпионом ми-
ра по спортивной ходь-
бе...

О. НЕБУЧИНА.